

На правах рукописи

ЧИСТЯКОВА Валерия Петровна

**ПРОБЛЕМА ЛИТЕРАТУРНОЙ САМОРЕФЛЕКСИИ В
РОМАНАХ В. НАБОКОВА «ПОДЛИННАЯ ЖИЗНЬ
СЕБАСТЬЯНА НАЙТА», «БЛЕДНОЕ ПЛАМЯ»,
«СМОТРИ НА АРЛЕКИНОВ!»**

Специальность 10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(американская литература)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Иваново – 2014

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО
«Ивановский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Анциферова Ольга Юрьевна

Официальные оппоненты: **Киреева Наталья Владимировна**,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Благовещенский государственный педагогический университет», профессор кафедры русского языка и литературы

Тимофеев Валерий Германович,
кандидат филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет», доцент факультета свободных искусств и наук

Ведущая организация: **ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»**

Защита состоится 18 декабря 2014 года в 10-00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.062.04 при ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет», по адресу: 153025, г. Иваново, ул. Ермака, 37, ауд. 403.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»:
<http://www.ivanovo.ac.ru/ru/science/attestation-science>

Автореферат разослан 18 октября 2014 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

Е.М. Тюленева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Творческая личность В.В. Набокова (1899 – 1977) – одно из феноменальных явлений в мировой литературе. Трудно найти другой такой случай, когда русский по рождению писатель мог в равной степени блестяще творить на двух языках - английском и русском - и переводить свои произведения с одного на другой. Зарубежное набоковедение имеет довольно долгую историю. Совершенно иначе дело обстоит в нашем отечественном литературоведении, которое лишь несколько десятилетий назад всерьез занялось изучением наследия писателя, когда окончательно исчезли идеологические и языковые препятствия, были переведены и опубликованы не только отдельные англоязычные романы и рассказы Набокова, но стали издаваться собрания сочинений, включающие как русскоязычный, так и англоязычный пласты его творчества. За последние годы были собраны и переведены на русский набоковские лекции по русской и зарубежной литературе, а также материалы интервью, теле- и радиовыступлений с 1932 по 1977 гг. Отдельной книгой в минувшем году вышел перевод на русский материалов почти тридцатилетней переписки Набокова с влиятельнейшим американским литературоведом XX века и большим другом писателя – Эдмундом Уилсоном.

Западная традиция (Р. Олтер, Л. Хатчен, Ж.-Ф. Жаккар) изучения творчества Набокова в контексте «саморефлексивного» романа, (к которому относятся «Дон Кихот» М. Сервантеса, «История Тома Джонса, Найденыша» Г. Филдинга, «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» Л. Стерна, «Ярмарка тщеславия» У. Теккерея), была воспринята отечественной набоковианой и получила в ее русле свое дальнейшее развитие.

Вместе с тем, до сих пор не предпринималось попыток классификации, а также последовательного изучения форм внутритекстовой литературной саморефлексии как неотъемлемого компонента игровой поэтики набоковских текстов. Между тем, закрепленные в лекциях и эссе писателя размышления о проблемах литературной рецепции, интерпретации, художественного перевода

литературного произведения, не могли не найти отражения в художественном мире его произведений.

На основании вышесказанного формулируется **актуальность** исследования. Она заключается в следующем:

- на первый план в исследовании выведены проблемы содержательности художественной формы и художественно-эстетической автореференциальности литературы, что в современном литературоведении, освобожденном от идеологического пресса, приобретает особое значение и оказывается весьма продуктивным подходом при интерпретации текстов.

- изучение художественных форм воплощения литературно-теоретических взглядов Набокова позволяет преодолеть стереотипное представление о нем как о блестящем стилисте и *pasticheur*; позволяет увидеть в Набокове художника, размышляющего, порой серьезно, порой иронически, о своем вкладе в рецепцию и культурно-историческое осмысление европейского и русского литературного наследия, осознающего собственную роль связующего звена между русской культурой и литературой и англоговорящим миром.

Научная новизна диссертации состоит в том, что она представляет собой первую попытку определения, конкретизации, а также углубленного и систематизированного исследования форм внутритекстовой литературной саморефлексии на материале трех ключевых для англоязычного набоковского творчества произведений.

Новизна диссертации состоит:

- в выявлении и попытке классификации форм внутритекстовой литературной саморефлексии на материале трех англоязычных романов В. Набокова;

- в изучении специфики теоретических воззрений и литературно-критической методологии В. Набокова в свете современной литературной теории;

- в предложении принципиально новой интерпретации сюжетно-повествовательного уровня романа В.Набокова «Бледное пламя» с точки зрения закодированных в нем форм авторской литературно-эстетической и культурно-исторической саморефлексии;

- в обнаружении и исследовании рецептивного аспекта образа центрального героя, его функционирования в качестве «читателя» в романах «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» (1941) и «Бледное пламя» (1962).

Объектом исследования стали англоязычные романы В. Набокова «Подлинная жизнь Себастьяна Найта», «Бледное пламя», «Смотри на арлекинов!» (1974), в которых главным героем является творческая личность, писатель. В «Подлинной жизни Себастьяна Найта» это - повествователь В., пишущий биографию главного героя. В романе «Бледное пламя» центральный персонаж – безумный профессор Чарльз Кинбот также претендует на то, чтобы стать автором. В последнем законченном англоязычном романе Набокова «Смотри на арлекинов!» главным героем является вымышленный англо-русский писатель Вадим Вадимович - пародийный двойник автора.

Предмет исследования – формы внутритекстовой литературной саморефлексии в выше обозначенных англоязычных произведениях писателя. В исследовании оценивается влияние уникальной литературно-критической методологии, а также литературно-теоретической, преподавательской и переводческой деятельности В. Набокова на систему разработанных писателем внутритекстовых форм литературной саморефлексии.

Цель диссертационного исследования – выявить, охарактеризовать и классифицировать основные формы внутритекстовой литературной саморефлексии на идейно-тематическом и структурно-повествовательном уровнях таких англоязычных романов В. Набокова как «Подлинная жизнь Себастьяна Найта», «Бледное пламя» и «Смотри на арлекинов!».

В соответствии с целью в ходе исследования необходимо было решить следующие **задачи**:

- изучить специфику «саморефлексивного» модуса письма в западноевропейской литературе;

- выявить, охарактеризовать и систематизировать основные признаки саморефлексивного текста на базе современной зарубежной, и отечественной литературно-теоретической мысли;

- выявить особенности набоковских теоретических воззрений на проблемы интерпретации, художественного перевода, а также литературной рецепции в свете современной литературной теории.

- определить место литературной саморефлексии в эстетическом мышлении В. Набокова;

- исследовать и описать механизмы функционирования авторской литературной саморефлексии на идейно-тематическом и структурно-повествовательном уровнях анализируемых произведений.

Для достижения поставленной цели мы рассматривали литературно-теоретические взгляды В. Набокова, особенности его уникальной литературно-критической методологии в контексте теории «саморефлексивного» романа. **Методологическую базу** исследования образуют работы зарубежных и отечественных теоретиков «саморефлексивного» романа (Р. Олтер, Л. Хатчен, Б. Кейвин, Дж. Каллер, Ж.-Ф. Жаккар О.Ю. Анцыферова, М.Н. Липовецкий). Обращение к нарративным концепциям Ж. Женетта и В. Шмида обусловлено необходимостью изучения структурно-повествовательных форм литературной саморефлексии в анализируемых нами произведениях. Изучение набоковской концепции чтения в контексте рецептивной эстетики (Х.-Р. Яусс, В. Изер) обеспечило обнаружение рецептивной составляющей образа центрального персонажа-повествователя.

Теоретическая значимость исследования состоит в расширении представлений о формах воплощения в художественном мире произведения литературно-теоретических взглядов автора, его эстетической мысли, а также писательской рефлексии о проблемах литературной рецепции и специфике историко-литературного процесса. Кроме того, изучение категории игры на идейно-тематическом, а также структурно-повествовательном уровнях анализируемых произведений показало, что игра может служить мощным средством пародийной и автопародийной литературной саморефлексии.

Практическая ценность работы состоит в том, что наблюдения и выводы, содержащиеся в ней, могут быть использованы для

дальнейшего изучения набоковского англоязычного творчества с точки зрения закодированных в нем саморефлексивных авторских интенций. Результаты исследования также могут быть экстраполированы на те русскоязычные произведения писателя, которые обнаруживают признаки «саморефлексивного» модуса письма. Материалы и выводы диссертации могут быть востребованы в практике вузовского преподавания: при чтении курсов «История зарубежной литературы XX века»; «Литература русского зарубежья»; спецкурсов по литературе США XX века и по проблемам литературной саморефлексии.

Положения, выносимые на защиту:

1. Выявленные формы внутритекстовой литературной саморефлексии образуют в романах В. Набокова целостную художественно-эстетическую систему, основанную на игровом подходе автора к тексту и читателю, и поддаются относительно четкой классификации.

2. Выбор Набоковым тех или иных форм внутритекстовой литературной саморефлексии и их конкретное текстуальное воплощение обуславливаются спецификой эстетического мышления писателя, а также его литературно-теоретическими взглядами и литературными вкусами.

3. К игровым структурно-повествовательным формам внутритекстовой литературной саморефлексии в анализируемых нами произведениях относятся: выбор автором «ненадежного» повествователя от первого лица, «метаповествование» как доминирующий нарративный модус, «метатекст», прием коллажа.

4. Для создания образа центрального персонажа-повествователя Набоков использует принцип игрового конструирования, который заключается в делегировании герою функции биографа и литературного критика («Подлинная жизнь Себастьяна Найта»), редактора, комментатора и переводчика («Бледное пламя»), а также писателя и преподавателя литературы («Смотри на арлекинов!»). Актуализация тех или иных структурных компонентов образа выступает мощным средством пародийной авторефлексии по поводу собственных литературно-эстетических

взглядов, а также опыта критико-литературоведческой, переводческой и преподавательской деятельности.

5. Рецептивная составляющая образа центрального персонажа является средством выражения авторских взглядов на проблемы литературной рецепции, а также формой литературной пародии. Центральный персонаж-повествователь в трех анализируемых нами романах функционирует в качестве читателя, наделенного культурной памятью и читательским опытом, реализующего определенные модели чтения в отношении как фиктивных, так и реально существующих текстов.

6. Пародия и автопародия как формы литературной саморефлексии не только лежат в основе создания образа центрального персонажа-повествователя во всех трех романах, но и определяют выбор автором повествовательной стратегии, а также принцип структурной организации текста.

Диссертация **соответствует содержанию паспорта специальности 10.01.03. «Литература народов стран зарубежья (американская литература)»**, в частности следующим его пунктам: п.3 - проблемы историко-культурного контекста, социально-психологической обусловленности возникновения выдающихся художественных произведений; п. 5 - уникальность и самоценность художественной индивидуальности ведущих мастеров зарубежной литературы прошлого и современности; особенности поэтики их произведений, творческой эволюции; п.6 - взаимодействия и взаимовлияния национальных литератур, их контактные и генетические связи.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования были изложены в докладах на внутривузовских конференциях фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодая наука в классическом университете» (Иваново, 2010 - 2014); в рамках Международных научных конференций «Набоковские чтения – 2013» (“Nabokov Readings – 2013”) и «Набоковские чтения – 2014» (“Nabokov Readings – 2014”) (Санкт-Петербург, музей В.В. Набокова); а также на XLII Международной филологической конференции Санкт-Петербургского университета (секция «Литературная мода и литературные модели в за-

падноевропейской и американских литературах» (Санкт-Петербург, 2013); в рамках XX Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва: МГУ, 2013). Материалы диссертации обсуждались на аспирантском семинаре «Эврика», на кафедре зарубежной литературы ИвГУ в 2011 - 2014 гг.

Структура исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы, насчитывающего 213 пунктов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются актуальность и научная новизна исследования; определяются его объект и предмет; формулируются цели и задачи, а также положения, выносимые на защиту.

Здесь же отражены представления белоэмигрантских писателей, поэтов и литературных деятелей о русскоязычном творчестве В. Набокова. В исследованиях эмигрантских критиков и рецензентов намечаются 3 основных вектора последующего изучения набоковского творчества. Первый вектор, согласно Г. Струве, Вл. Ходасевичу, А. Бему, Н. Андрееву, В. Вейдле, указывает на доминирование темы творчества и творческой личности в произведениях Набокова. Второй вектор предполагает изучение творчества Набокова в контексте русской автобиографической традиции, поскольку, по мнению таких исследователей как М. Цетлин, М. Кантор, центральной темой у Набокова является тема изгнанничества, о чем свидетельствует, в частности, обилие мнемонических образов в его произведениях. Третий вектор, нацеленный на метафизический аспект набоковского мировоззрения, на актуальность для писателя проблемы инобытия, лишь нащупывается в работах С. Гессена и Вл. Маркова.

Сформированная в русле эмигрантских исследований тенденция к изучению творчества Набокова по проблемно-тематическому принципу была воспринята современным отечественным набоковедением. Характерная для зарубежных исследователей (Р. Олтер, Л. Хатчен, Ж.-Ф. Жаккар) тенденция к изучению

произведений Набокова в контексте традиции «саморефлексивно-го» романа, получила развитие в работах таких отечественных ученых как М. Н. Липовецкий, А.М. Люксембург, С. Давыдов, Г.Ф. Рахимкулова, А. Млечко. Обнаруженная эмигрантскими критиками тема изгнанничества у Набокова трактуется современными отечественными исследователями как попытка «воскресения личности, культуры и мира через память» (Б. Аверин), как творческий акт самопознания.

Обзор русско- и англоязычных исследований, посвященных интересующим нас романам, строится в соответствии с «триадой», предложенной известным набоковедом А.А. Долининым: все работы о В. Набокове делятся на три группы в зависимости от того, какую тему тот или иной ученый считает доминантной в творчестве писателя: тему воспоминания и воскресения прошлого через память (Б. Аверин, Б. Бойд), тему творчества и творческой личности (Л.В. Братухина, А.М. Люксембург, П. Мейер), или «тему потусторонности» (Б. Бойд, Вл. Александров, Г. Барабтарло).

Первая глава «Литературно-теоретические взгляды В. Набокова в контексте современных литературных теорий» посвящена рассмотрению литературно-эстетических взглядов, критико-литературоведческой методологии В. Набокова в свете теории «саморефлексивного» романа (Р. Олтер, Л. Хатчен, Б. Кейвин, Ж-Ф. Жаккар, М. Липовецкий, О.Ю. Анцыферова). В данной главе мы также рассматриваем разработанную писателем концепцию чтения в контексте основных положений рецептивной эстетики (Р. Ингарден, Х-Р. Яусс, В. Изер).

Глава открывается **Разделом 1 «Саморефлексивный» модус письма и формы его художественного воплощения в двуязычном творчестве В. Набокова**, где, опираясь на работы французского теоретика Ж. Женетта и отечественного исследователя О.Ю. Анцыферовой, мы приводим классификацию форм литературной саморефлексии. В настоящем исследовании нас интересует саморефлексия как «компонент художественного мира» (О.Ю. Анцыферова) таких романов Набокова как «Подлинная жизнь Себастьяна Найта», «Бледное пламя», «Смотри на арлекинов!».

Одной из наиболее характерных черт «саморефлексивного» модуса письма является выбор такого типа повествования как «метаповествование» («метанарратив»), когда «повествующий субъект обсуждает свой статус, сомневается, в какую форму облечь свой рассказ, выставляет напоказ свою власть над повествованием и его развязкой» (Дж. Каллер). Актуализацию такого нарративного модуса Ж.-Ф. Жаккар обнаруживает в романе «Отчаяние», мы же – в первом набоковском англоязычном романе «Подлинная жизнь Себастьяна Найта». Неизбежное в «метаповествовании» смешение повествовательных уровней, приводит, по мнению Ж. Женетта к «нарративному металепсису» (роман «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» - эпизоды «превращения» центрального персонажа-повествователя в героя книг вымышленного писателя Себастьяна Найта). Пристрастие Набокова к так называемым «ненадежным» повествователям активизирует такую форму литературной саморефлексии, как «паралепсис» (Ж. Женетт) - предоставление повествователем большего объема информации чем тот, который в принципе допускается избранной нарративной перспективой. В романе «Бледное пламя» прием «паралепсиса» способствует вовлечению читателя в игровые отношения с текстом. Неотъемлемой частью «саморефлексивного» текста, а также игровой поэтики набоковских произведений («Отчаяние», «Подлинная жизнь Себастьяна Найта») становится присутствие в них так называемых «метатекстов» - фиктивных текстов, приписываемых автором им же созданным персонажам.

В Разделе 2 «Набоковская концепция чтения. Читательцентричность как одна из форм литературной саморефлексии» мы рассматриваем теоретические взгляды писателя на проблемы литературной рецепции в контексте теории Р. Ингардена и школы рецептивной эстетики.

Набоковскому пониманию чтения как процесса постепенной реконструкции, воссоздания литературного произведения силами читательского воображения и памяти оказывается созвучно введенное Р. Ингарденом понятие «конкретизации». Под «конкретизацией» литературного произведения польский теоретик подразумевает процесс отбора и организации читателем элементов текста

в последовательное целое, дабы выстроить всеобъемлющую «мигетическую иллюзию». Эстетический дефект, в изобразительном искусстве отсутствующий, а именно - невозможность охватить литературное произведение одним взглядом, преодолевается, по мнению Набокова, в ходе его «перечитывания», позволяющего завершить окончательную реконструкцию художественного мира текста в читательском сознании. В этом писатель совпадает и с Р. Ингарденом, и с представителем школы рецептивной эстетики В. Изером, в равной степени полагавшими, что предшествующие конкретизации влияют на особенности новой конкретизации, которая, в свою очередь, являет собой новое прочтение текста одним и тем же читателем.

Сопоставление взглядов Набокова и Х.Р. Яусса на проблему исторической смены читательской рецептивной модели в отношении того или иного произведения, во многом объясняет глубоко «индивидуалистический» подход писателя к интерпретации произведений русской и западноевропейской литературы, избранных им для своих лекционных курсов. В отличие от Х.Р. Яусса, полагавшего, что «эстетический ранг» произведения определяется совокупностью читательских откликов, историей рецепции литературного произведения, Набоков утверждал вневременную эстетическую самоценность последнего, не зависящую от его культурно-исторического освоения поколениями читателей и критиков. Выступая против навешивания ярлыков в литературе, не признавая литературных классификаций и ставя литературный талант выше понятий «школы», «течения», «направления», Набоков анализировал избранные им для своих курсов произведения с формально-стилистической точки зрения, изучая структуру, особенности повествования, систему персонажей и языковые средства.

Обращение к теории Р. Ингардена, а также концепциям В. Изера и Х.Р. Яусса, позволило обнаружить и изучить рецептивную составляющую образа центрального персонажа-повествователя, его функционирование в качестве читателя, наделенного культурной памятью и определенным читательским опытом, реализующего определенные модели чтения.

Основываясь на «типологии ментальностей» В.Ю. Тюпы, отечественный исследователь О.Н. Турышева утверждает, что сюжет чтения, а также образ персонажа-читателя в том или ином литературном произведении обуславливаются влиянием доминирующего в данный период типа ментальности. Литература каждой эпохи устанавливает определенную рецептивную модель, которой следует читатель. Нас интересует рецептивная модель, характерная для романтической художественной парадигмы («уединенного, дивергентного» типа ментальности), в основе которой лежит установка на читательское вчувствование и сопереживание, а также активное со-творчество. В романе «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» данную рецептивную модель реализует повествователь В. в отношении вымышленных текстов вымышленного писателя Себастьяна Найта. В романе «Бледное пламя» центральный персонаж-повествователь является носителем кризисного «уединенного сознания» и, переживая «ситуацию постмодернизма», обращается к литературе как к ресурсу моделей интерпретации и пересоздания жизни.

В Главе 2 «Персонаж как игровой конструкт в романах В. Набокова «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» (“The Real Life of Sebastian Knight”, 1941) и «Бледное пламя» (“Pale Fire”, 1962) мы рассматриваем образ центрального персонажа-повествователя как средство набоковской пародии и автопародии. В основе создания образа повествователя лежит принцип *игровой конструирования*, заключающийся в делегировании автором персонажу одновременно нескольких функций: функции повествователя, читателя, литературного критика, биографа (В. из «Подлинной жизни Себастьяна Найта») и даже переводчика (Кинбот из «Бледного пламени»).

Раздел 1 «Центральный персонаж как средство выражения авторских литературно-эстетических взглядов в романе «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» посвящен изучению саморефлексивных авторских интенций, закодированных Набоковым в образе центрального персонажа-повествователя В. в романе «Подлинная жизнь Себастьяна Найта». Как биограф В. испытывает недостаток сведений о значительном периоде жизни Себастья-

на Найта. Собственную неосведомленность В. пытается компенсировать обращением к найтовским произведениям. Опора В. на вторичные источники, а так же попытки интерпретировать поступки Себастьяна посредством обращения к его произведениям – все это пародирует методологию так называемой «романтизированной» (термин В. Набокова) литературной биографии. О специфике создания «романтизированной» биографии Набоков размышляет в статье «Пушкин, или Правда и правдоподобие» (1937), отмечая, что метод написания подобной биографии основывается на выискивании так называемого «человеческого элемента» в произведениях художника. Навязчивый «игривый фрейдизм» рассуждений В. об интимной стороне взаимоотношений Себастьяна с женщинами является неотъемлемой чертой «романтизированной» биографии. Беспардонные попытки В. проникнуть в мир человеческих чувств и переживаний Себастьяна Найта выступают кульминационной точкой максимальной эстетической дистанционности автора-творца от созданного им персонажа.

Ключом к постижению тайны найтовской индивидуальности является пристальное, любовное *прочтение* его произведений. В отношении текстов Себастьяна В. реализует модель чтения, основанную на вживании, вчувствовании в настроение читаемого произведения. В. становится «эмоциональным эхом» автора, о чем свидетельствует способность В. воскрешать в памяти целые эпизоды из найтовских текстов, выражать восхищение их образно-стилистическими красотами. На повествовательном уровне рецептивная стратегия, применяемая В., обретает форму «нарративного металеписа», т.е. «превращений» В. в героев произведений Себастьяна и реализации их сюжетных ситуаций (в частности, из романа «Призматический фацет», повести «Изнанка Луны»). Помимо случаев «нарративного металеписа», металитературную нагрузку несет на себе мотив «маски», поскольку сам Набоков представлял собственную читательскую аудиторию как собрание людей, носящих его собственную маску. Таким образом, случаи «нарративного металеписа», а также мотив «маски» подтверждают верность и успешность выбранной В. рецептивной страте-

гии, которая приближает его к разгадке тайны личности писателя Себастьяна Найта.

В Разделе 2 Главы 2 - «"Метаповествование" и "метатекст" как игровые формы литературной саморефлексии» рассматриваются в романе «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» такие формы внутритекстовой литературной саморефлексии как «метаповествование» и «метатекст». «Метаповествование» сопровождается «метанарративными пассажами», в которых В. рассуждает на литературоведческие темы, раскрывает собственне нарративные интенции и признается в отсутствии какого бы то ни было литературного опыта, а также в недостатке биографических сведений. Все это заставляет читателя усомниться в успешном осуществлении проекта найтовской биографии, и шире – самой возможности написания объективной, «неромантизированной» биографии о художнике. В то же время, «метанарративные» пассажи создают игровое поле, в рамках которого центральная проблема романа – проблема написания литературной биографии, представляется принципиально неразрешимой.

Важное место в системе игровых повествовательных форм набоковской литературно-эстетической саморефлексии принадлежит так называемым «метатекстам». Найтовские «метатексты» выступают средством пародийного переосмысления писателем идейно-тематического содержания собственного творчества. Так, тема «узорообразности» индивидуальной человеческой судьбы становится объектом набоковской автопародии: случайная на первый взгляд, встреча героев найтовского романа «Успех» (“Success”) Персиваля и Энн пародирует не менее прозаическое знакомство главного персонажа русскоязычного романа Набокова «Дар» Федора Годунова-Чердынцева с будущей возлюбленной. В найтовском последнем романе «Сомнительный асфодель» объектом автопародии становится излюбленный метафизический извод набоковского мировоззрения, а именно – тема «потусторонности». В этом «метатексте» «подставного» автора можно уловить автопародийные переключки с опубликованным в виде рассказа в 1942 г. отрывком из неоконченного набоковского русскоязычного романа “Ultima Thule”. Один из главных героев рассказа коммер-

сант по имени Фальтер становится единственным обладателем всеобъемлющей истины о жизни и смерти, но одновременно оказывается обречен на медленное физическое умирание. Аналогичным образом пародийный безымянный двойник Фальтера в найтовском «метатексте» также познает истину, лишь находясь на смертном одре, однако в обоих случаях: и в набоковском рассказе, и в пародирующем его найтовском «метатексте» эта истина остается скрытой от читателя.

Раздел 3 Главы 2 – «Особенности игровой поэтики в романе Набокова “Бледное пламя”. Автопародия как форма литературной саморефлексии» посвящен изучению автопародийного измерения образа центрального персонажа-повествователя в романе «Бледное пламя». Структурно роман состоит из автобиографической поэмы в 999 строк, написанной вымышленным американским поэтом Джоном Шейдом в духе шутивно-пародийного подражания Александру Поупу, а также предисловия, комментария и указателя к поэме, принадлежащих перу полубезумного литератора Чарльза Кинбота. В основе создания образа Кинбота также лежит принцип *игрового конструирования*: в романе он выступает в роли комментатора, редактора, переводчика и читателя. Кинбот составляет построчный комментарий к поэме трагически погибшего поэта Дж. Шейда, и его функционирование в качестве редактора и комментатора выступает средством набоковской автопародии. Предъявляемое Кинботом к поэме Шейда требование «миметичности» пародирует другую крайность - абсолютизацию Набоковым неутилитарного, сугубо эстетического восприятия словесного искусства, отрицание его социально-исторической функции. Этот же герменевтический принцип писатель экстраполировал и на пушкинского «Евгения Онегина». В «Бледном пламени» Набоков пародирует собственное субъективное видение пушкинского шедевра, прежде всего как явление стиля, мозаику из образов, литературных клише и формул английского и французского романтизма, немецкого сентиментализма, а также традиций итальянского пасторального романа XVI-XVII вв. Пародийной авторефлексии подвергается предпринятая Набоковым в комментарии к «Евгению Онегину» редукция культурно-

исторического значения романа для русской литературы и общественной мысли 40-60 гг. XIX, сведение ее содержания до образчика литературной стилизации.

Стремление Кинбота играть роль вдохновителя творчества Шейда пародирует попытки Набокова в комментарии к «Евгению Онегину» установить отношения преемственности и родства между самим собой и Пушкиным на литературно-языковой и на пространственно-временной, хронотопической почве. Хронологические и топографические «узоры», любовно вычерчиваемые Набоковым в собственной судьбе и в биографии Пушкина, достигают кульминации в том месте набоковского комментария, где речь заходит о тайной дуэли Пушкина с Рылеевым. Набоков отмечает, что в письмах Пушкина к А. Бестужеву содержится косвенное подтверждение тому, что 15 июня 1822 г., дуэль действительно имела место в Батово, загородном поместье Рылеева. Подробно излагая собственную версию обстоятельств дуэли, Набоков также сообщает о том, какую роль поместье Батово играло в судьбе семьи Набоковых. В этой связи, литературная мономания Кинбота, одержимого личностью и творчеством талантливого поэта Джона Шейда, возможно, становится выражением набоковской пародийной авторефлексии по поводу пределов его культурно-языковой и литературно-эстетической самоидентификации с величайшим русским поэтом.

Нежелание Кинбота рыться в библиотечной пыли в поисках биографических сведений о родителях Шейда, или источника той или иной аллюзии, может быть прочитано как набоковская автопародия на собственную склонность к другой профессиональной крайности – «страсти схолиаста», снабдившего свой подстрочный перевод пушкинского шедевра, объемистыми, педантичными комментариями, намного превосходящими размеры самой поэмы. Побуждаемый необходимостью донести до американской читательской аудитории 50-х гг. XX века уникальную культурно-историческую атмосферу пушкинской эпохи, а также осознанием собственной роли связующего звена между великим русским поэтом и англоговорящим миром, Набоков вводит в текст подробности, необычные для академического комментария: детальные опи-

сания фасонов платья столичных дэнди, гастрономических вкусов провинциального и петербургского дворянства, деревенского быта, святочных гаданий и другие фактологические сведения.

В Разделе 4 Главы 2 – «Функционирование центрального персонажа в качестве переводчика и читателя как форма литературной пародии» мы анализируем образ Кинбота в качестве переводчика Шекспира и в качестве читателя, наделенного культурной памятью и читательским опытом.

Переживаемая Кинботом «ситуация постмодернизма», неудовлетворенность наличной реальностью, в которой он – никем не любимый, одинокий русский эмигрант по фамилии Боткин, – побуждает его искать утешение в конструировании смысловой системы, которая смогла бы оправдать и объяснить не только его собственное жалкое существование, но и нелепую безвременную кончину ни в чем не повинного поэта от руки маньяка Джека Грея. С этой целью Кинбот конструирует образ фантастического северного государства Земблы, воображая себя ее королем Карлом Возлюбленным, свергнутым в результате революционного переворота. Конструирование зембланской фантазии осуществляется Кинботом с опорой на литературные клише советского политического романа, а также на жанровые конвенции западноевропейской пасторальной литературы XVI-XVII вв. Одновременно, повествуя о своем бегстве темной грозовой ночью из захваченной революционными экстремистами Земблы, Кинбот идентифицирует себя с образом путника из баллады Гете «Лесной царь». Чтобы вызвать в читателе сочувствие, Кинбот моделирует свои действия, опираясь на литературный прецедент, который, как ему кажется, способен оправдать и объяснить случившееся с ним несчастье: потерявший, как и гетевский путник свое единственное сокровище – Земблу, Кинбот оказывается в положении изгнанника, вынужденного ради спасения жизни преодолевать темные лесистые горы по пути к временному прибежищу – берегам Америки.

Одновременно, пассажи, повествующие о революционной деятельности политических убийц, в частности, Градуса, могут быть прочитаны как блестящая набоковская пародия на художественную немощь, пошлость и антиэстетизм советского полити-

ческого романа, заимствующего литературные клише детективного жанра. В лекции «Писатели, цензура и читатели в России» Набоков показывает, что советский роман использует хронотоп замкнутого пространства, характерный для детективного жанра, при этом «в роли сыщика выступает пожилой рабочий, потерявший глаз на фронтах Гражданской войны». По нашему наблюдению, трафаретный, пошлый образ «пожилого рабочего» также подвергается переплавке в горниле набоковской пародии и возникает вновь в «потрепанном черном портфеле» Градуса в образе стеклянного глаза, изготовленного им специально для его старой любовницы. Как своеобразный символ обывательской пошлости этот стеклянный глаз сопровождает Градуса в Америку.

Предпринятые Набоковым в комментарии к «Евгению Онегину» поиски истоков и последующей эволюции «аркадской» темы в литературе от Вергилия – до итальянского пасторального романа XVII века, находят пародийное воплощение в «пастушеских» сценах кинботового повествования: сцене вынужденного ночлега его величества в «идиллическом» фермерском домике и прогулке с пастушкой Гарх.

Особой формой набоковской культурно-исторической саморефлексии является прием «карнавализации» (М. Бахтин) истории в «Бледном пламени». Речь идет о пародийно-смеховом переосмыслении и преодолении писателем драматических военно-политических и революционных событий XX века и актуализации собственного отношения к современным тоталитарным «полицейским» государствам посредством конструирования образа революционно-анархистской Земблы. Создавая мир Земблы – мир «наизнанку», подчиняющийся карнавальная «логике обратности» и состоящий из травестий, пародийных снижений, шутовских увенчаний и развенчаний, Набоков лишает исторического пафоса саму идею военно-революционного переворота как эпохального события, потрясающего самые основы жизнеустройства и несущего коренные перемены в жизни людей. Снижающий, пародийный эффект имеют также образы «материально-телесного низа», используемые при создании образа революционного бандита Градуса.

Глава 3 «Мотив как доминанта образа центрального персонажа в романе В. Набокова “Смотри на арлекинов!”» (“Look at the Harlequins!”, 1974) посвящена изучению мотива как приема создания образа центрального персонажа-повествователя, а также его роли в структурной организации текста.

В Разделе 1 Главы 3 «Мотив “цветных стекол” и образ Арлекина как принцип конструирования образа центрального персонажа» мы рассматриваем автобиографический мотив «цветных стекол» вырской беседки (где писатель сочинил свое первое стихотворение), а также вынесенный в заглавие образ Арлекина в костюме из разноцветных ромбов в качестве приема конструирования образа главного героя Вадима Вадимовича Н. Образ центрального персонажа – писателя Вадима Вадимовича оказывается сконструирован автором из разноцветных стеклышек: пародийно переосмысленных Набоковым расхожих представлений о его писательской манере, стиле, эстетике, литературном имидже, литературно-теоретических взглядах, методе преподавания – вплоть до пародийных перифразов собственных высказываний на литературные темы, взятых из лекций и интервью.

Так, обычай англоязычных критиков (начало которому положил в свое время Э. Уилсон) сравнивать богатый разнообразными тропами стиль Набокова со стилем английского романиста Джозефа Конрада, становится в «СНА!» объектом набоковской автопародии. Образ «мертвых свинцовых английских вод с их манекенами в матросках», символизирующий трафаретность, «клишированность» английского языка, используемого Вадимом Вадимовичем, пародийно коррелирует с «морской метафорой», с помощью которой писатель передает свое неприятие «полированного» романтического стиля Дж. Конрада, напоминающего «сувенирную лавку с кораблями в бутылках, бусами из ракушек и всякими романтическими атрибутами» (из интервью Набокова).

Набоков-лектор требовал от студентов досконального знания текста, доходящего до умения. в случае необходимости, начертить карту джойсовского Дублина. В пародийном мире «СНА!» студент В.В., выгавив на экзамене билет, связанный с эпизодом

со знаменитым скворцом из «Сентиментального путешествия» Л. Стерна, спешит осведомиться у главного героя, нужно ли ему описывать всех птиц, встречающихся на страницах этого произведения, или только одну (т.е. скворца). Так, при помощи вопроса наивного студента Набоков пародирует такие особенности своей интерпретационной стратегии, как преувеличенное внимание к художественным деталям текста.

В Разделе 2. Главы 3 – «Мотив “цветных стекол” и коллажность структурно-повествовательного уровня текста» мы рассматриваем коллаж как принцип структурной организации текста, поскольку художественно-эстетическая сущность приема «коллажа», несомненно, коррелирует с ключевым мотивом романа - мотивом ярких цветных стекол вырской беседки, а также образом Арлекина. Роман конструируется Набоковым из пародийно обыгрываемых (посредством их вульгарной рецепции) сюжетно-повествовательных положений и образов его предшествующих романов – «Защиты Лужина» (1930), «Приглашения на казнь» (1938), «Лолиты» (1955), «Пнина» (1957), а также мифов, окружающих его личность и собственную литературную репутацию. Так, расхожее представление о Набокове как об авторе романа о «нимфетке», равно как вульгарное, морализаторское, не проникающее дальше сюжета прочтение «Лолиты» становятся в «СНА!» объектом пародии на сюжетном уровне. Набоков осуществляет пародийную реконструкцию образов и сюжетных ситуаций из других произведений: Эмочка из «Приглашения на казнь», своего рода ребенок-автомат «воскресает» в образе маленькой Долли фон Борг, которая передвигается шажками механической куклы. Повествование о ночи, проведенной В.В. в одном номере мотеля с дочерью Бел, эпизод с пережиданием грозы - пародируют соответствующие сцены из «Лолиты». Немотивированное появление (и не менее внезапное исчезновение) двух девочек в тирольских костюмчиках на вечеринке университетских преподавателей – ответ Набокова искателям прототипов и любителям «человеческого элемента», занятым поисками «нимфеток» в его произведениях.

Стереотипное представление о романе Набокова «Пнин» как о самом смешном и трогательном произведении писателя подвергается в «СНА!» пародийному развенчанию: трогательные приготовления заглавного героя «Пнина» к приезду сына бывшей, но горячо любимой жены превращаются в неубедительные попытки В.В. замаскировать противоестественное влечение к собственной дочери с помощью нарочитой роскоши и удобств, которыми он благоустраивает ее будущую комнату.

В **Заключении** подводятся итоги исследования и намечаются перспективы дальнейшего изучения форм внутритекстовой литературной саморефлексии в англоязычном творчестве Набокова.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

- 1. Чистякова В.П. Персонаж как игровой конструкт в романе В.В. Набокова «Бледное пламя» // Личность. Культура. Общество. – 2013. – Т.ХV. – Вып. 2. - № 78. – С. 225-230 (0, 51 п.л.).**
- 2. Чистякова В.П. «Карнавализация» истории в романе В. Набокова «Бледное пламя» // Известия высших учебных заведений. Сер. «Гуманитарные науки». – 2014. – Т.5. – Вып. 3. – С.246-249 (0,51 п.л.).**
- 3. Чистякова В.П. «Метатекст» как форма литературной саморефлексии в романе В. Набокова «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» // Личность. Культура. Общество. – 2014. – Т.16. – Вып.3-4. – №83-84. – С. 231-236. (0,5 п.л.).**
4. Чистякова В.П. Образ читателя в романе В.В. Набокова «Бледное пламя» // Вестник молодых ученых ИвГУ. – 2012. – Вып. 11. – С. 197-198 (0,19 п.л.).
5. Чистякова В.П. Особенности повествовательной структуры в романе В.В. Набокова «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» // Память и нарратив. Сборник статей / Под ред. С.Н. Филюшкиной, Д.А. Чугунова. – Воронеж. – 2012. – С. 103-106 (0,23 п.л.).
6. Чистякова В.П. Структура образа повествователя в романе В.В. Набокова «Бледное пламя» // Молодая наука в классическом уни-

верситете: Тезисы докладов научных конференций фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых, Иваново, 23-27 апреля 2012 г.: в 8 ч. – Иваново: Иван. гос. ун-т – 2012. – Ч. 7: Актуальные проблемы филологии XXI. – С. 5-6 (0,05 п.л.).

7. Chistyakova V. P. The Role of Intertextuality in V. Nabokov's "Pale Fire" // Молодая наука в классическом университете: Тезисы докладов научных конференций фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых, Иваново, 23-27 апреля 2012 г.: в 8 ч. – Иваново: Иван. гос. ун-т – 2011. – Ч. 7: Актуальные проблемы филологии XXI века. – С. 60 (0,05 п.л.).

8. Чистякова В.П. Роман В.В. Набокова «Подлинная жизнь Себастьяна Найта»: от модернизма – к постмодернизму // Америка: литературные и культурные отображения / Под ред. О.Ю. Анцыферовой. – Иваново: Иван. гос. ун-т. – 2012. – С. 251-259 (0,61 п.л.).

9. Чистякова В.П. Персонаж как эстетическая категория в романе В.В. Набокова «Бледное пламя» // Молодая наука в классическом университете: Тезисы докладов научных конференций фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых, Иваново, 22-26 апреля 2013 г.: в 8 ч. – Иваново: Иван. гос. ун-т – 2013. – Ч. 7: Актуальные проблемы филологии XXI. – С. 49 (0,05 п.л.).

10. Чистякова В.П. Роман В.В. Набокова «Бледное пламя»: образ повествователя как игровой конструкт // Художественное слово в пространстве культуры: проблемы игрового начала: коллективная монография. – Иваново: Иван. гос. ун-т. – 2013. – С. 203-209 (0,33 п.л.).

11. Чистякова В.П. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» В. Набокова как жанровая и структурная модель романа В. Набокова «Бледное пламя» // Литературная мода и литературные модели в западноевропейской и американских литературах: Материалы XLII Международной филологической конференции / Сост. Лукьянец И.В., Миролубова А.Ю. – Санкт-Петербург. – С. 132-136 (0,27 п.л.).

12. Чистякова В.П. Пародия как прием литературной саморефлексии в англоязычном романе В. Набокова «Бледное пламя» // Материалы Международного молодежного научного форума

«ЛОМОНОСОВ – 2013» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, К.К. Андреев, М.В. Чистякова. – М.: МГУ. – 2013 (0,5 п.л.).

13. Чистякова В.П. Коллаж как прием структурно-повествовательной организации текста в романе В. Набокова «Смотри на арлекинов!» // Молодая наука в классическом университете: Тезисы докладов научных конференций фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых, Иваново, 21-25 апреля 2014 г.: в 8 ч. – Иваново: Иван. гос. ун-т – 2014. – Ч. 7: Актуальные проблемы филологии XXI. – С. 155 (0,05 п.л.).

Чистякова Валерия Петровна

**ПРОБЛЕМА ЛИТЕРАТУРНОЙ САМОРЕФЛЕКСИИ В
РОМАНАХ В. НАБОКОВА «ПОДЛИННАЯ ЖИЗНЬ
СЕБАСТЬЯНА НАЙТА», «БЛЕДНОЕ ПЛАМЯ», «СМОТРИ
НА АРЛЕКИНОВ!»**

Специальность 10.01.03 — литература народов стран зарубежья

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано в печать 15.10.2014 г.
Формат 60×84 1/16. Бумага писчая.
Усл. печ. л. 1. Уч.-изд. л. 1,0. Тираж 100 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»
153025, г. Иваново, ул. Ермака, 39
тел. (4932) 93-43-41
E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru